

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА

К Р Ы М А

Путевыя впечатлѣнія.

Многократныя поѣздки по горному Крыму и мое прежнее знакомство съ историческою литературою полуострова побудили меня предпринять описаніе пещерныхъ его городовъ, — этихъ въ высшей степени интересныхъ памятниковъ древности. Европа, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего подобнаго высовой оригинальности крымскихъ пещерныхъ городовъ. Къ сожалѣнію, однако, наша публика почти незнакома даже съ самымъ фактомъ существованія ихъ. Въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о крымской археологіи, большею частью иностранныхъ, большею частью давно вышедшихъ изъ обращенія, — разбросаны скудные матеріалы, касающіеся этого предмета, но до сихъ поръ нѣтъ ни одной книги, ни одной цѣлой статьи, посвященныхъ исключительно ихъ описанію. Даже, стыдно сказать, крымскіе жители образованныхъ классовъ слушаютъ рассказы о пещерныхъ городахъ, какъ неожиданную для нихъ новинку; туристы же, ограничиваясь легкодоступнымъ обзоромъ южнаго берега, рѣдко рѣшаются предпринимать поѣздку внутрь горъ. Я съ намѣреніемъ сохранилъ въ своей статьѣ тѣ живые элементы крымской природы и жизни, при которыхъ я самъ ознакомился съ пещерными городами, и безъ которыхъ описаніе ихъ было бы слѣпымъ мертвенно и неполно. Гораздо легче знакомяшься съ пылью

архивовъ и камнями развалинъ, когда встрѣчаешь ихъ въ разнообразіи путевыхъ впечатлѣній; къ тому же страна пещерныхъ городовъ и окружающая ихъ природа въ высшей степени характерны, и сами по себѣ уже стоятъ вниманія.

I.

Перевалъ черезъ Яйлу. — Ночлегъ въ Татаріи. — Мангунскій Авраамъ. — Мангунъ-Кале, древняя Манкопія; его памятники и историческія воспоминанія.

Участниковъ предпринятаго нами похода въ крымскія горы оказалось пятеро, не считая неизбежнаго и незаменимаго Бекира, который, по своей должности фактотума, обязанъ былъ вести нашъ караванъ. Выражаясь по-крымски, Бекиръ становился нашимъ *суруджи* (таково татарское названіе швейцарскихъ фюреровъ и гидовъ).

Неустранимая амазонка, принимавшая участіе въ прежнихъ нашихъ горныхъ странствованіяхъ, опять съ нами.

Приготовленіе къ пятидневному походу въ нѣдра крымскихъ горъ по необходимости коротко: горный татаринъ, которому мы невольно должны теперь подражать, замѣняетъ всѣ вализы и чемоданы перекиднымъ мѣшкомъ съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ, по-татарски *сакса*. Эти саксы — спасеніе въ горныхъ поѣздкахъ. Ихъ привязываютъ сзади сѣдла и кладутъ въ нихъ, что влѣзетъ: ячмень для лошади, бутылки съ виномъ, чай и сахаръ, жареную птицу, пирожки, бѣлье. Поверхъ саксы привязываютъ бурку или теплое пальто на случай дождя и холода — и вотъ вы совсѣмъ готовы, оснащены на борьбу съ стихіями, а вашъ обозъ у васъ же за спиною.

Татары, хозяева лошадей, ждутъ насъ на солнечномъ припекѣ, терпѣливо присѣвъ на корточкахъ. Бекиръ командуетъ, ищетъ, носитъ, укладываетъ, перетягиваетъ подпругу у лошади нашей *ханымъ* (*юспожа*, такъ татары постоянно чествуютъ нашихъ барынь). Всѣ высыпаютъ насъ проводить. Дѣтямъ особенно завидно. — Скоро воротитесь? Когда васъ ждать?

— «Не скажи, ханымъ, сказать нельзя! Можетъ два, можетъ пять день, какъ Аллахъ покажетъ», серьезно вразумляетъ Бекиръ, подсаживая свою ханымъ.

Перевалъ черезъ Яйлу въ самой высокой области ея! — мнѣ такъ давно хотѣлось испытать его. Бекиръ выбралъ для перевала Біюкъ-Узенбашъ-Богазъ, т.-е. проходъ.

Большой Узенбалъ — одинъ изъ самыхъ крутыхъ и трудныхъ, но за то самый близкій. Поднялись изъ нашего пустынного, заснувшего надъ моремъ Магараца, въ пеструю и шумную Ялту, полную петербургскихъ туристовъ, промчались по ея парадной набережной и повернули на Дерской, на Ай-Василь, прямо къ титаническому амфитеатру Яйлы, которой темная лѣсистая синева охватываетъ кругомъ весь горизонтъ и чуть не половину небеснаго свода. Поразительно хорошъ этотъ амфитеатръ въ яркій солнечный день, когда на его туманно-синемъ фонѣ вырѣзаются милые, какъ игрушки, новенькіе домики Ялты съ своими кипарисами и цвѣтущими садами.

Дорога, конечно, сейчасъ же пошла рѣчкою; иныхъ дорогъ не бываетъ въ крымскихъ горахъ. Груды камней, натасканныя сверху и насыпанные выше береговъ, и между ними нѣсколько жиденькихъ ниточекъ журчащей воды, съ трудомъ пробирающейся между каменьева — вотъ хорошая крымская рѣчка въ іюль. Такихъ впрочемъ мало, потому что въ большей части ихъ не наберете въ срединѣ лѣта стакана воды.

Безъ конца кругомъ сады раскидистыхъ грецкихъ орѣховъ, сливы, груша, смоковница. Подъ орѣхами всегда зеленая трава и всегда татарчата. У татарскихъ ребятишекъ на южномъ берегу и въ горахъ — превызрительныя лица. Глазенки черныя, большіе, смотрятъ на васъ съ наивнымъ изумленіемъ, какъ глаза красиваго дикаго звѣрька; черты строгаго греческаго типа.

Дерской кончился, потянулся Ай-Василь, разбросанный по лѣистой подошвѣ горы; стало круто, узко, но за то такая тѣнь! Ѣдешь по зеленымъ корридорамъ, едва успѣвая уклоняться отъ могучихъ, далеко вытянутыхъ сучьевъ орѣшника. Татарскія хаты здѣсь лѣплятся особенно живописно. Съ высоты сѣдла смотришь имъ прямо въ безобразныя ихъ трубы. На плоскихъ земляныхъ кровляхъ толпы ребятъ глазѣютъ на насъ, раскрывъ рты. Это еще старинныя, вѣковѣчныя гнѣзда грековъ, итальянцевъ, можетъ быть, еще готвъ.

За Ай-Василемъ горы дѣлаются совсѣмъ серьезными; подъемъ начинается очень рѣзко; лошади тяжело дышатъ, въ поту, такъ что саквы промокли. Мы почти на шеяхъ у лошадей. Скалистая, усыпанная камнями дорога сбиваетъ подковы. Мало-по-малу насъ все тѣснѣе охватываетъ сосновый лѣсъ, тотъ самый, который издали, изъ Ялты и Магараца, казался намъ простымъ слоемъ моха на скалахъ. Сосны громадной высоты, прямые и голые какъ стрѣлы, съ широкою плоскою кроною на самомъ верху, — обстали кругомъ. Это чистая итальянская пинія. Освѣщеніе солнцемъ красивыя стволы, густо-синіе просвѣты неба, капризно-

изогнутыя угловатыя вѣтви — переносятъ фантазію въ картины римской Кампаньи. Лѣсъ этотъ прекрасенъ самъ по себѣ; но когда мы вѣхали на половину горы и взглянули назадъ сквозь эти полчища исполиновъ, въ глубокую и далекую бездну, въ которой остались за нами море и берегъ съ своей Ялтой, съ своими дачами и деревнями, — тогда мнѣ все это представилось какою-то несбыточною, сказочною декораціею. Море открывалось прямо предъ нами во всей могучей своей широтѣ, въ обхватѣ непривычномъ для глаза. А справа и слѣва поднимались бѣлыя горныя громады, обрывались горныя пропасти, заполоненныя такими же полчищами сосенъ. Никакихъ мелкихъ деталей, ничего милого, ласкающаго. Одна грозная, величественная, неотразимая красота; громадная картина, написанная смѣлымъ взмахомъ чудной кисти.

Маленькая крымская лошадь, терпкая и безропотная какъ ея хозяинъ, — свыклась съ крымскою ѣздою, съ крымскою дорогою. Подкованная сплошною желѣзною подковою на всѣ четыре ноги, она твердо ступаетъ на известковый камень, карабкаясь съ своею тяжелою и неудобною ношею по скату, на которомъ едва держится человѣкъ. Чувствуя свое безсилье вытянуть прямо на гору, умныя животныя, одно за другимъ, словно по сговору, начинаютъ пересѣкать зигзагами дорогу, поворачивая то направо, то налево, и уменьшая для себя такимъ образомъ крутизну подъема. Подумаешь, что ими править человѣкъ, — такъ правильно и увѣренно они исполняютъ эти повороты.

Мы всѣ, всадники, въ сосредоточенномъ молчаньи. Грозное великолѣпіе горъ и лѣса оковываетъ насъ; да теперь и не до болтовни. Какъ бы только усидѣть, не полетѣть назадъ вмѣстѣ съ лошадью.

Нѣсколько разъ Бекиръ останавливалъ свой караванъ у горныхъ ручьевъ и пойлъ лошадей. Они пили жадно, трясаясь всѣмъ тѣломъ. Крымскій магометанинъ, подобно всѣмъ магометанамъ Востока, устраиваетъ фонтаны даже въ пустынѣ. Высоко на горахъ, въ глубинѣ лѣсовъ, мы находили фонтаны, высѣченныя изъ бѣлаго камня, съ арабскими украшеніями, съ благочестивыми надписями и всегда съ именемъ устроителя. Бекиръ съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ передавалъ намъ исторію святаго хаджи, который остатокъ дней своихъ посвятилъ на дѣла добра и устѣялъ фонтанами тропинки Яйлы, на пользу людямъ и во славу Аллаха. Путникъ, утолившій въ лѣтній зной свою жажду этою чистою струею, напоившій у нея утомленнаго воя, дѣйствительно благословить отъ всего сердца имя добраго человека, вырѣзанное на камнѣ фонтана.

А подъемъ дѣлается все хуже и хуже. Лѣса кончились, тропинка исчезла. Мы лѣзли уже по острымъ гребнямъ камней, по вучамъ щебню, по скользкому плитняку. Подковы то и дѣлосрывались и скользили какъ по льду.

Было уже далеко за полдень, когда мы взвѣхали на темъ Яйлы. Равнина, безконечная въ длину и не болѣе полуверсты шириною, составляетъ это темъ, этотъ гребень Яйлы.

На сѣверъ отъ нея видны горы и степи Крыма, на югъ—глубоко внизу—море съ лентою южнаго берега. Ай-Петри, такая страшная снизу, отсюда кажется небольшою скалою, потому что надъ нами только одинъ верхій пикъ ея; въ ея зубцы запутались стада облаковъ, бѣлыхъ какъ молоко; они поочередно срываются и несутся на насъ, застилая глаза сырмѣ туманомъ, словно хотятъ сдуть насъ прочь изъ своего царства.

У нашихъ ногъ была живая рельефная карта всего Крымскаго полуострова. Ясный день не утаивалъ, не затушевывалъ ничего. Не было той картинной красоты, которою мы любовались въ сосновомъ лѣсу, не доставало для этого перваго плана и яркости красокъ; но за то зрѣлище было ново и грандіозно. Душа исполнялась особеннымъ чувствомъ отъ этого созерцанія земли въ ея цѣлости съ поднебесныхъ высей. Казалось, этотъ взглядъ былъ объективнѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ зрѣнія; казалось, онъ проникалъ вѣрнѣе и глубже. Что-нибудь подобное испытываетъ человѣкъ на воздушномъ шарѣ, отдѣляясь вдругъ отъ своей планеты и созерцая ее въ первый разъ независимо, извнѣ, какъ-бы съ поверхности другой планеты.

Спускъ съ Яйлы значительно легче подъема. Съ сѣверной стороны, Яйла не обрывается такою стѣною, какъ съ морской. Грады горъ бѣгутъ параллельно ей, дѣлаясь все ниже къ сѣверу, къ степи. Это ступени для схода съ Яйлы.

Запутанная плетеница горъ, долинъ, скалъ и ущелій, то бѣгущихъ рядомъ, то пересѣкающихся подъ разными углами, составляетъ внутреннее ядро крымской Татаріи, гнѣздо всякаго крымскаго звѣря и логовище всѣхъ почти рѣкъ южнаго Крыма. Это же и цѣль нашего похода. Горная страна, ограниченная съ западу большою дорогою изъ Симферополя черезъ Бахчисарай въ Севастополь, а съ востока долиною Алушты, и прорѣзающая ее большою дорогою изъ Алушты въ Симферополь, отдѣлена отъ южнаго берега сплошною стѣною Яйлы въ 5 и 4,000 футовъ высоты. Со стороны обѣихъ большихъ дорогъ до-

ступъ въ эту сердцевину горнаго Крыма не труденъ; но съ южнаго берега въ нее можно проникнуть только черезъ нѣсколько «богазовъ», переваловъ, подобныхъ тому, который мы теперь осилили съ такимъ трудомъ.

— Когда-жъ наконецъ будетъ этотъ проклятый Узенбашъ! начинаютъ кричать самые нетерпѣливые изъ всадниковъ, видя, что солнце уже дѣлается багрянымъ, и бѣлыя известковыя скалы начинаютъ вспыхивать розовымъ огнемъ.

Хочется смерть чаю; еще больше хочется долой съ сѣдла, которое особенно мучительно при многочасовомъ спускѣ. Бекиръ съ презрѣніемъ смотритъ на насъ и не отвѣчаетъ.

— Бекиръ! далеко ли еще? кричитъ кто-то изъ насъ, безпокойно ёрзая на сѣдлѣ.

— Твой бы дома сидѣлъ! дерзко отвѣчаетъ Бекиръ. Конь не птица, конь усталъ, твой коня не любить, твой чай любить! Не видишь? — вонъ тебѣ и Узенбашъ! прибавилъ онъ, въ видѣ милости, указывая нагайкою въ широкую лѣсную долину, въ пасть которой мы начинали уже спускаться.

Біюкъ-Узенбашъ, потонувшій въ лѣсахъ, въ садахъ протянувшейся по всѣмъ изгибамъ рѣчки, — лежалъ у нашихъ ногъ, ярко освѣщенный закатомъ. Тополи и минареты его мечетей, живописно торчавшіе надъ массою сплошной зелени и сплошныхъ плоскихъ кровель, горѣли особенно весело.

Проѣхали сады орѣховъ, подковы стучатъ по каменистой улицѣ.

Надо большое воображеніе, большую силу отвлеченія, чтобы повѣрить, будто мы все еще находимся въ православной російской имперіи, подъ охраною всемогущей власти становаго пристава, подъ покровительствомъ XV-ти томовъ свода законовъ.

Еслибы это было на Кавказѣ, я не сомнѣвался бы, что мы просто-на-просто вѣхали въ аулъ горныхъ хищниковъ, гдѣ смѣшно уповать на XV-й томъ, гдѣ вмѣсто всякихъ уѣздныхъ, земскихъ, словесныхъ и уголовныхъ судовъ знаютъ твердо одинъ судъ подъ старымъ дубомъ, подъ однимъ изъ тѣхъ историческихъ дубовъ, которые имѣютъ удобное качество служить двумъ цѣлямъ разомъ: шатромъ для судей, висѣлицею для осужденнаго.

Вонъ, вѣроятно, и самъ верховный дубъ; на этотъ разъ онъ замѣненъ маститымъ орѣхомъ, подобнаго которому трудно встрѣтить другой разъ; подъ его вѣтвями, толщиной въ огромное

дерево, вытянутыми горизонтально шаговъ на 20 отъ ствола и густо затканными крупнымъ жесткимъ листомъ — въ самомъ дѣлѣ, цѣлое населеніе.

Сѣдые старики въ бѣлыхъ чалмахъ — все истые хаджи — съ строгимъ и важнымъ взглядомъ, съ неподвижными, глубоко-вырѣзанными чертами лица, сидятъ у самого пня, въ позахъ, исполненныхъ достоинства, поджавъ подъ себя ноги, и куря изъ длинныхъ чубуковъ. Кругомъ нихъ сидитъ и стоитъ въ самомъ живописномъ разнообразіи цвѣтная толпа татаръ въ чалмахъ, въ бараньихъ шапкахъ, съ лоснящимися бритыми головами, — все только муэзины. За то оглянитесь налѣво — тамъ большой каменный фонтанъ въ арабскомъ вкусѣ, съ длиннымъ стихомъ врана.

Фонтанъ, какъ пчелами, осыпанъ женщинами. Почтенныя матроны укутаны въ широкія бѣлыя простыни до самыхъ пятокъ и выказываютъ изъ-подъ своихъ савановъ только пару черныхъ глазъ, едва видныхъ сквозь узенькую щель, да желтыя заостренныя туфли, которыхъ никакъ не спрячешь при ходьбѣ. Молоденькихъ дѣвчонокъ, къ счастію, еще не считаютъ пужнымъ обращать въ величественныя статуи, въ которыхъ не разберешь ни одного члена, ни одного движенія. Они разцвѣчены до-нельзя и обтянуты до-нельзя. Волосы заплетены въ десятки мелкихъ длинныхъ косъ, окрашенныхъ почти въ огненную краску — точь-въ-точь семья красныхъ змѣй влетя по плечамъ. Эта краска, подновляемая каждую недѣлю, съ лѣтами обратится въ черную какъ смоль, и изъ огненнорыжихъ дѣвчонокъ образуетъ глубокихъ brunetтокъ. Красная кругленькая шапочка съ золотомъ на головѣ у всякой; малороссіане очень мѣтко прозвали: «*татарками*» красныя колючія растенія въ родѣ артишока, покрывающія степи иногда на большое пространство. Издали это чисто толпа татарскихъ дѣвушекъ въ ихъ типичныхъ красныхъ шапочкахъ. Бешметъ съ открытой грудью, узкій въ плечахъ, съ непомѣрно длинными и узкими рукавами, всегда очень цвѣтной, портитъ естественныя формы тѣла; у пояса онъ обвязанъ еще однимъ или двумя цвѣтными платками на подобіе юбки, и изъ-подъ платковъ этихъ видны только нижнія складки очень широкихъ и тоже цвѣтныхъ шароваръ, стянутыхъ надъ самою ступнею.

Самая крошечная, двухъ-лѣтняя дѣвчонка, возившаяся въ пыли, одѣта почти также; у каждой своя крошечная шапочка, у каждой свой бешметикъ по мѣрѣ, — это добрый обычай, не часто встрѣчаемый въ семьѣ русскаго простолюдина; онъ свидѣтельствуетъ объ инстинктивномъ признаніи человѣческаго до-

стоинства, человѣческихъ правъ даже въ ребенкѣ. Этотъ обычай и нѣ особенно видался въ глаза, по противуположности съ нашимъ русскимъ, въ германской и швейцарской деревнѣ. Тамъ вы уже не встрѣтите крошечнаго мальчишку, завернутаго въ отцовскій тулупъ или въ дѣдовской шапкѣ, нахлобученной на пось, босого и въ одной рубашкѣ.

Толпа женщинъ вокругъ фонтана, съ своими бѣлыми чадрами, съ маковымъ цвѣтомъ дѣвичьихъ нарядовъ, съ кувшинами и кружками восточной формы, у кого по-итальянски на головѣ, у кого въ рукахъ, — движущаяся, шумящая, переливающая цвѣтами — способна приковать артиста на многіе часы своею поразительною картинностью; особенно, когда, въ параллель ей, взору его открывалась бы съ другой стороны важная группа, безмолвно курившая въ тѣни стараго орѣшника.

Дерево, фонтанъ — естественные центры первобытной жизни, еще не доросшей до необходимости клубовъ, пассажей, кофеенъ съ пѣніемъ и безъ пѣнія и тому подобныхъ пріютовъ цивилизованнаго бездѣлья. Тѣнистый дубъ — это прототипъ нашего жилища, естественный шатеръ, давшій человѣку первую мысль объ убѣжищѣ. Въ пустынной мѣстности онъ — красота, разнообразіе, жизнь. Путникъ благословляетъ его какъ привалъ, указанный природою, гдѣ онъ остынетъ отъ своего путевого пота, гдѣ онъ насытится и уснетъ, не палимый больше полуденными лучами. Кочевникъ разбиваетъ подъ дубомъ свою палатку и принимаетъ своихъ гостей. Дубъ — издавна и межевая грань у народовъ, и указатель пути. Даже лѣсной житель соотнобразяетъ мѣстность по большимъ вѣковымъ дубамъ, которыхъ фizioномія выдѣляется своеобразно изъ безконечнаго и безразличнаго древеснаго моря. Оттого дубъ и сталъ издревле деревомъ гостепріимства, деревомъ геройскихъ подвиговъ, деревомъ суда и мудрости, деревомъ неразгаданныхъ тайнъ и религіознаго обожанія. Эпосъ древняго міра, сказка, пѣсня, легенда — сама исторія — сохранили намъ память объ этомъ многообразномъ и глубокомъ значеніи дуба, коренящемся въ первобытныхъ условіяхъ человѣческой жизни и сдѣлавшемъ изъ этого видового названія почти родовое имя для дерева вообще. Въ библіи Авраамъ не даромъ встрѣчаетъ неземныхъ путниковъ въ дубравѣ мамврійской; богатыри нашихъ былинъ отдыхаютъ и умираютъ подъ дубами; подъ дубами находятъ чудные доспѣхи; вѣщія птицы сидятъ всегда на дубахъ; всѣ клады подъ дубами. Тайственный шелестъ дубовъ разгадывался первобытными оракулами Греціи. Въ древней Германіи, въ Галліи — дубъ былъ святилищемъ, средоточіемъ общественныхъ собраній. Еще Лудо-

внѣ Свѣтой въ XIII-мъ вѣкѣ сохранялъ патриархальный обычай суда подъ венсенскимъ дубомъ.

Какъ дубъ, дерево — естественный центръ общественной, религиозной, героической, то-есть вообще мужеской жизни первобытнаго человѣка, — такъ фонтанъ, колодезь — исконное поле чувственной, то-есть женственной стороны той же жизни. Первобытное хозяйство тѣхъ маловодныхъ странъ, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, расселилось племя человѣка, — было такъ тѣсно связано съ водой фонтана, что фонтанъ могъ стать почти его символомъ. Напить людей и скотъ, вымыть свое тѣло и свои одежды — можно только у фонтана. Сначала фонтанъ, потомъ уже домъ, хозяйство, женская забота. Вечеромъ у фонтана вѣчная работница, вѣчная домосѣдка — женщина встрѣчалась съ мужчиною, который цѣлый день при стадѣ или на охотѣ. Вечеръ, — отдыхъ отъ трудовъ, часъ покоя, досуга и наслажденій. Вечеромъ естественное пробужденіе потребностей менѣе суровыхъ, менѣе обязательныхъ, потребностей бесѣды, общенія и любви. Въ вечерней прохладѣ, подъ звонкой струей фонтана легче всего возникали первыя сердечныя отношенія между работающимъ юношествомъ первобытныхъ обществъ, какъ легко они возникаютъ теперь среди нашей свѣтской молодежи подъ звуки оркестра въ ярко освѣщенныхъ балльныхъ залахъ. Тишина и простота въ младенческую эпоху человѣка были необходимыми условіями тамъ, гдѣ теперь необходимымъ условіемъ сталъ неестественный шумъ, неестественный свѣтъ и поддѣльная красота. Женщину, будущую подругу свою, человѣкъ естественной жизни оцѣнивалъ во время ея работы, гдѣ ему открывалась ея умѣлость, ея сила и дѣятельность. Когда библейская Ревекка или Гётевская Доротея собственноручно тянули изъ колодца бадью съ водой или отворачивали тяжелый камень, ихъ рабочая грація, ихъ *«volle Gesundheit der Glieder»*, дѣлались вполне очевидными для здоровыхъ трудолюбивыхъ юношей, на нихъ любовавшихся. Только въ рабочемъ деревенскомъ быту — и нашемъ русскомъ, и болѣе всего въ восточномъ — колодезь, фонтанъ сохранили доселѣ свое древнее значеніе мѣста сближенія двухъ половъ, мѣста зарожденія сердечныхъ драмъ.

Вечеръ падаетъ; на небѣ становится розово, и деревья освѣщаются тѣмъ же пламенемъ; все въ воздухѣ стихаетъ и замираетъ въ той спокойной нѣгѣ, которая свойственна крымскому лѣтнему вечеру. Послѣдніе звуки дня явственнѣе слышатся въ этой тишинѣ.

Бекиръ устроилъ нашъ ночлегъ у одного изъ почетнѣйшихъ хаджей Узень-Баша, не допуская въ насъ и мысли о возможности довольствоваться первой попавшеюся саклей. Преважно подбоченясь, въѣхалъ онъ на дворъ и двумя-тремя полусловами объяснилъ по-своему хозяину, кто мы и какъ насъ нужно принять.

Тохтаръ-эффенди вышелъ къ намъ за ворота, худой, съ строгимъ взглядомъ, исполненный непоколебимаго достоинства, и привѣтствовалъ насъ по восточному, указывая рукою на свой домъ. Мы, кажется, спутали всѣ его понятія о нашемъ величїи, расположившись до ночи прямо на улицѣ, подъ старымъ орѣхомъ, чтобы налюбоваться на окружавшую насъ Татарїю и на чудный вечеръ. Вокругъ насъ уже протолкнуться нельзя: прїѣздъ нашъ былъ событіемъ въ Біюкъ-Узень-Башѣ; даже татарскія матроны позабыли правила мусульманскихъ приличій и пробирались къ изумившей ихъ амазонкѣ. Дѣти вскарабкались на сучья, на мажары, на плетни. Глянешь кругомъ — всюду бѣлые, сверкающіе зубы, тѣсные и крѣпкіе какъ у звѣрьковъ, и черные воспламененные глазенки: и зубы, и глаза, все въ нихъ смѣется отъ радостнаго изумленія, рты раскрыты въ недоумѣнны и жадномъ любопытствѣ.

Женщины съ какимъ-то азартомъ наперерывъ хватаютъ и ощупываютъ каждую бездѣлицу, надѣтую на амазонкѣ нашей, хихикаютъ и шепчутся другъ съ другомъ изъ-подъ своихъ покрывалъ. Только старые татары сохраняютъ невозмутимое спокойствіе и, кажется, заняты только однимъ соображеніемъ, куда это и зачѣмъ Богъ несетъ насъ?

Бекиръ съ хозяйскими работниками таскаетъ между тѣмъ дрова и воду, развьючиваетъ лошадей. Вотъ начали вынимать изъ саквовъ нашу провизію и разныя принадлежности пути; — любопытство женщинъ и дѣтей достигаетъ своихъ предѣловъ; воспользовавшись ихъ углубленнымъ вниманіемъ, я сѣлъ за стволъ орѣшника и сталъ изподтишка набрасывать въ путевой альбомъ нѣкоторыя фигуры; молодой татаринъ не разъ ловилъ мой воровской взглядъ и выслѣдилъ движенія моего карандаша. Также незамѣтно какъ я рисовалъ, подврался онъ сзади меня и нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ черезъ голову мою на непонятную для него работу, на это быстрое мельканье крашеной палочки, изъ-подъ которой какимъ-то чудомъ вырастали знакомыя ему черты, знакомые наряды.

Я замѣтилъ его уже тогда, когда онъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживаться, съ громкимъ смѣхомъ сказалъ что-то по-татарски. Вся его фигура широко расцвѣла удовольствіемъ и

удивленіемъ. Вдругъ, все, что было въ толпѣ женщинъ и дѣвочекъ, брызнуло въ разсыпную, закрываясь рукавами и неистово хихикая. Нужно было перенести карандашъ и глаза на мальчиковъ. Но тревога уже была подана: взглядъ мой ловился со всѣхъ сторонъ — большими и дѣтьми.

Какъ ни хитрилъ я — ничего не могъ сдѣлать. Только-что взглянешь хоть равъ на кого-нибудь — онъ тотчасъ ухмыльнется, пробормочетъ своимъ что-то по-татарски и отойдетъ себѣ въ сторону, съ глазъ долой.

Темнота загнала насъ въ домъ хаджи.

Гостинная Тохтаръ-эффенди довольно нарядна для простого татарина — потолокъ съ бахчисарайской рѣзьбой, на полкахъ ярко вычищенная посуда и нѣсколько рукописныхъ магометанскихъ книгъ; деревянное мелкорѣшетчатое оюшко на турецкій манеръ, а ужъ ковровъ, подушекъ и тюфяковъ — счету нѣтъ! Мы сидимъ на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги вокругъ татарскаго столика настоящаго арабскаго рисунка.

Тохтаръ-эффенди въ своей бѣлой чалмѣ и полосатомъ халатѣ, придающемъ ему видъ муллы, стоитъ у порога, не зная прилично ли ему будетъ сѣсть съ нами. Собственно, на насъ онъ не обращалъ никакого вниманія, для него важенъ только одинъ изъ насъ, котораго онъ исключительно считаетъ гостемъ своимъ. Бекиръ въ своемъ татарскомъ соображеніи рѣшилъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, одѣтый въ кавказское платье, въ червескѣ съ кинжаломъ, не можетъ быть ничѣмъ другимъ кромѣ князя; смуглый восточный типъ лица и наѣздническая ловкость кавказскаго барина окончательно убѣдили его въ этомъ. Заручившись такимъ убѣжденіемъ, Бекиръ торжественно объявилъ хаджи и всѣмъ спрашивавшимъ его, что пріѣхалъ «князь» съ Кавказа; мы, мирные граждане безъ патроновъ и кинжаловъ, были такимъ образомъ отодвинуты на задній планъ и, кажется, почитались за свиту «кназа». Оттого-то и раздумывалъ хаджи, приличествуетъ ли ему, хотя и хозяину, сидѣть на одномъ коврѣ съ такимъ знатнымъ гостемъ.

Вѣсть о пріѣздѣ въ хаджи кавказскаго князя пронеслась по всему Узень-Башу. Нѣсколько важныхъ, бородатыхъ фигуръ появились въ дверяхъ, и эффенди черезъ Бекира просилъ у князя впустить почетныхъ гостей, которые пришли привѣтствовать князя. Одинъ за другимъ, съ серьезнымъ и церемоннымъ видомъ, подходятъ гости въ мнимому князю, прикладываютъ руку къ сердцу, говорятъ что-то покачивая головами, потомъ опускаютъ у ногъ князя разныя приношенія, это сухой изюмъ

ерикъ (родъ мелкой сливы), кто груши, кто даже вислое овсчье молоко.

Откланяется, съ достоинствомъ пожиметъ руку и опустится себѣ на коверъ около князя, поджавъ ноги. Вотъ всѣ усялись кружкомъ и закурили длинныя трубки.

Ни одинъ почти гость ни слова по-русски, бѣдный кавказскій «кназь» ни слова по-татарски. Однако бесѣда идетъ, важная, длинная, неспѣшная восточная бесѣда, очень напоминающая наше европейское молчаніе. Сидятъ, уставивъ глаза въ трубки, и торжественно выпускаютъ облака дыма — изрѣдка только смуглые костлявые пальцы, сложенные въ щепотку, протягиваются къ столу, на которомъ стоятъ сласти; а то вдругъ сосѣдъ нагнется къ «кназю», возьметъ его кинжалъ и станетъ вертѣть кругомъ, любуясь серебряною чебанкою и тавлинскимъ лезвіемъ; налюбуется и съ короткимъ одобреніемъ передаетъ его другому. Всякій гость поочередно пощупаетъ, повертитъ, понюхаетъ кинжалъ, покачаетъ съ удовольствіемъ головою и передаетъ сосѣду. «Карошъ кинжалъ! яеши!» скажетъ кто-нибудь князю, торжествуя знаніемъ русскаго языка. И опять молчаніе на много минутъ, опять неподвижное насасываніе трубокъ. Кто-нибудь опять очнется, сочтетъ приличнымъ заговорить: «богато грошей далъ? — Двадцать рублей! — «Це.... це.... це....» прищолкнуть языкомъ всѣ собесѣдники, съ сожалѣніемъ покачивая головою, и всѣ, словно по сговору, устремляютъ глаза на кинжалъ еще съ бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. И опять длинное молчаніе. Потомъ наступаетъ очередь черкески, щупаютъ сукно, смотрятъ его на свѣтъ, трутъ между пальцами. «Карошъ архалуеъ, князь; богато грошей?» И опять удивленье, покачиванья и одобренья. Отъ черкески къ поясу, отъ пояса къ папахѣ, къ башлыку; весь князь, всякая его пуговка, всякій позументикъ ощупаны и опробованы.

«Гдѣ купилъ, князь? — Въ Стамбулѣ! — «О, Стамбулъ яеши!» Всѣ бѣлые зубы съ удовольствіемъ осклабляются, сверкая изъ чащи бородъ, — и мнимая стамбульская покупка, словно что-то особенно хрупкое, переносится въ вѣрѣе сложенныхъ пригоршняхъ отъ однихъ восторженныхъ глазъ къ другимъ, съ такою благоговѣйною бережностью, какъ-будто эти грубые пальцы сами чувствуютъ все неумѣніе и все недостоинство свое держать драгоценную вещь.

Еще разъ то же степенное молчаніе, но уже теперь всѣ эти серьезные лица свѣтятся совершенно дѣтскимъ удовольствіемъ.

Жолтый морщинистый старикъ съ длинными сѣдыми бровями гладитъ князя по плечу и по колѣнамъ: «Твой, князь, большой

султанъ!» — «Князь — большой султанъ!» — важно подтверждаетъ вся компанія, одобрительно кивая головами.

Желтый старикъ, по-имени Меметь-Эманъ, встаетъ, — всѣ встаютъ. Опять пожимаютъ руку князя, опять прижимаютъ свои руки къ сердцу; желтый старикъ проситъ князя завтра утромъ къ себѣ на кофей. Двое другихъ пристають съ тѣмъ же, а князь, для поддержанія своей роли, одариваетъ своихъ гостей разными бездѣлушками въ отвѣтъ на гостинцы ихъ. Гости уходятъ, сверкая отъ радости и глазами, и зубами.

Рано поднялись въ путь. Какъ ни изломала насъ ѣзда верхомъ по горамъ и камнямъ, однако ночлегъ въ повалку на открытой галерей и на войлокахъ гостинной не особенно нѣжилъ. Бекиръ ранехонько раздобылся ячменю и подкормилъ коньковъ. Мы тронулись со двора какъ разъ съ первымъ кривомъ мазина. Его тощая фигура была видна съ балкончика сосѣдняго минарета, откуда онъ протяжно и пронзительно гнусилъ на всѣ стороны свѣта обычный стихъ Алкорана.... Пожилые татары уже двигались по направленію къ мечетямъ. Вѣжливо, но съ большою серьезностью привѣтствовали они насъ, когда случалось съ ними равняться.

Яркое и тихое утро сіяло надъ этимъ живописнымъ азіатскимъ уголкомъ, потонувшимъ въ сплошныхъ садахъ въ глубокой впадинѣ горъ. Сіяло оно съ тою же радостною свѣжестью и торжественностью и въ нашей груди. Утреннее безмолвіе, утренняя трезвость жизни охватили и нашу беззаботную кавалькаду; всѣ ѣхали тою спорою дѣловою рысцою, которая обѣщаетъ долгій безостановочный путь. Дороги въ горномъ Крыму устроены природою и сохранили на себѣ дѣвственную грубость ея характера. Ручьи, сбѣгающія со склоновъ, потомъ рѣчки, въ которыхъ стекаются эти ручьи, — вотъ единственные пути горнаго сообщенія. Сообщеніе между бассейнами двухъ сосѣднихъ рѣчекъ, какъ бы ни близко протекали они, очень затруднительно. Ихъ водораздѣлъ обыкновенно такъ обрывистъ и крутъ и такъ волнообразенъ, что перевалъ черезъ него даже верхомъ требуетъ особенной привычки: ежеминутные спуски и подъемы по каменистымъ обрывамъ, по кучамъ камней, почти всегда безъ яснаго слѣда тропы — вотъ этотъ перевалъ. Послѣ него покажется шоссею дорогою даже рѣчная дорога; — поэтому въ горныхъ странствованіяхъ только при крайней необходимости сворачиваютъ съ долинъ ручьевъ и рѣчекъ, хотя по долинамъ всегда приходится дѣлать большой крюкъ.

Если вы знаете теченіе крымскихъ горныхъ рѣчекъ — вы знаете крымскія горныя дороги, и наоборотъ, если вы знакомы съ направленіемъ дорогъ — вы знаете тѣмъ самымъ теченіе рѣкъ. Крымская горная дорога, или, что тоже, крымская горная рѣчка — требуетъ отъ путешественника большой привычки.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ выше, это — вьющаяся лента валуновъ разной величины, разбросанныхъ во всю ширину долины, между которыми кое-гдѣ сочится ниточка воды. Иногда и этой ниточки вы не видите на цѣломъ десятѣ верстъ. Щебенистый грунтъ русла, наваленный въ толщину нѣсколькихъ аршинъ, служитъ настоящею цѣдильною, камепнымъ ситомъ, сквозь которое рѣчка, усохнувшая отъ лѣтнихъ жаровъ, уходитъ подъ свое собственное дно и пробирается тамъ невидимкою до тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ невозможно укрываться, и гдѣ она выступаетъ опять наружу.

Татарскія деревни лѣплятся только по берегамъ этихъ капризныхъ змѣистыхъ рѣчекъ, которыя порою такъ сухи, что на ихъ горячихъ камняхъ едва яиць не сварить; порою заливаютъ хаты до крышъ, сносятъ деревья, скотъ, и ворочаютъ цѣлыя утесы. Если гдѣ-нибудь на вершинѣ горъ внезапно упадутъ большіе дожди или растаетъ масса снѣга, вода сбѣгаетъ внизъ страшною лавиною и причиняетъ тѣмъ большія бѣдствія, что предвидѣть ихъ нѣтъ возможности.

Альма увесла разъ цѣлую партію солдатъ, которые сочли ея сухіе камни за безопаснѣйшее мѣсто ночлега, снесла большой камепный мостъ на почтовой дорогѣ.

Салгиръ почти на моихъ глазахъ, среди сухого лѣта, вдругъ залилъ цѣлую деревню Мамудъ-Султанъ, такъ что почтовая станція наполнилась водою по окна, и амщики плавали по двору, спасая лошадей.

Мы спускались по одной изъ такихъ рѣчекъ-дорогъ, по рѣчкѣ Узень-Башу, которая вмѣстѣ съ своей дружкой Біюкъ-Узен-башъ составляетъ верховье исторической теперь рѣки Бельбека.

Съ ранняго утра до вечерень, мы не слѣзаемъ съ лошадей, заинтересованные прелестною мѣстностью, веселою болтовнею и еще болѣе веселыми перегонками по каменистой дорогѣ. Долина рѣки Узенбаша выбирала все сильнѣе и сильнѣе на западъ и наконецъ упала въ долину Бельбека, съ которой мы повернули къ сѣверо-западу. Спускъ дѣлался мягче. Проѣхавъ Фотисалу — цѣлый рядъ деревень, осыпавшій рѣчку — мы должны были повинуть Бельбекъ и совершить одинъ изъ тѣхъ досадныхъ переваловъ, о которыхъ я говорилъ.

Первая цѣль нашего странствія былъ Мангупъ-Кале, а онъ

лежитъ у верховья средняго притока Бельбека — Кара-Илеза; спускаться по Бельбеку до устья Кара-Илеза, и потомъ подниматься вверхъ по Кара-Илезу до Мангуна, было бы дѣломъ слишкомъ долгимъ. Всаднику нечего стѣсняться крутизнами, и туристу не лишнее ознакомиться своими ребрами съ красотами горъ. Бекиръ командуетъ намъ налѣво, а насъ манитъ такъ впередъ, гдѣ уже открылась передъ нами живописнѣйшая часть чуть ли не самой живописной въ Крыму Бельбековской долины.

Одинъ изъ насъ уже набрасываетъ, не слѣзая съ сѣдла, оригинальный разрѣзъ скалъ Топчю, которыхъ круглыя сплошныя башни провожаютъ рѣчку справа.

Но Бекиръ тянетъ насъ лѣсами и оврагами на иной путь.

Я совѣтовалъ взять проводника въ Фотисалѣ, потому что по опыту зналъ, какъ труденъ съ этой стороны подъѣздъ въ Мангуну. Но Бекиръ презрительно относился къ моимъ увѣщаніямъ, хвастаясь, что онъ знаетъ въ горахъ всѣ тропинки.

Мы сбились уже черезъ полчаса.

Въ лѣсистыхъ холмахъ, черезъ которые пробирались мы, было столько колевинъ, пробитыхъ мажарами, столько тропъ, протоптанныхъ скотомъ, что только мѣстные дровосѣки могли помнить, куда ведутъ они. Бекиръ нѣкоторое время скрывалъ свое смущеніе и притворялся вѣрующимъ въ истинность пути, которымъ онъ насъ велъ. Но я обличилъ его сейчасъ же неопровержимыми доводами. Напрасно мучили мы своихъ коней, прорѣзаясь сквозь колючую чащу, спускаясь въ глубокія лѣсныя балки, карабкаясь на крутые скаты; напрасно смущенный Бекиръ злился на своего коня и лупилъ его нагайкою черезъ голову, снуя по этимъ дебрямъ, какъ гончая, отыскивающая упущенный слѣдъ. Горы и деревья заслоняли даль, и сообразить по окрестности было невозможно, хотя Бекиръ раза два валѣзалъ съ этою цѣлью на дубы. Особенно доставалось амазонкѣ и ея длинному хвосту. Рѣшено было спѣшиться и позавтракать, пока Бекиръ добудетъ слѣда. Вотъ усѣлись на лужайкѣ, бутылки и закуски живо полѣзли изъ вѣстительныхъ саквовъ; веселый говоръ и смѣхъ, звонъ стакановъ, голодное чмоканье губъ — оживили непривычною картиною совершенно пустынный лѣсъ. Ауданье Бекира переносилось поочередно отъ одной стороны свѣта къ другой, и мы дружно отвѣчали ему. Пронзительный голосъ его долеталъ до насъ то съ макушки какого-нибудь холма, то словно изъ подземной норы; скоро его не стало вовсе слышно, и мы начали думать, что онъ заѣхалъ Богъ-знаетъ куда. Однако черезъ часокъ онъ вернулся съ какимъ-то пастушескомъ, и мы выбрались на настоящую дорожку.

Мангупъ-Кале открылся намъ въ большомъ величїи и неожиданно. Изъ моря лѣсныхъ холмовъ, какъ островъ, возвышается его обрывистая столовая гора, и на плоской макушкѣ ея изъ большой дали видны, какъ на ладони, остатки стѣнъ, башенъ, замковъ стараго Мангупа. Это очень обманываетъ путника, которому кажется, что вотъ сейчасъ онъ будетъ у подошвы горы. А дорожка между тѣмъ еще долго дѣлаетъ петли кругомъ столовой горы, приближаясь сквозъ тѣснину въ тому единственному мѣсту, съ котораго есть возможность вскарабкаться на этотъ титаническій каменный столъ. Видъ на Мангупъ изъ этой тѣсины, пробирающейся съ сѣверной стороны его между нимъ и сплошною стѣною сосѣднихъ горъ—самый полный, отчетливый, и притомъ поразительной оригинальности. Столовая гора съ отвѣсными обрывами выступаетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ четырьмя такими же высокими скалистыми мысами—настоящими природными бастионами, а между этими выступающими твердынями лѣсные скаты, по которымъ, хотя съ огромными затрудненіями, можно добраться до вершины. Носы этихъ выступовъ, когда проѣзжаешь какъ разъ подъ ними, кажутся гигантскими обелисками удивительной красоты. Снизу вамъ видно, что высоко въ воздушной синевѣ лента зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, гдѣ разрушенная, гдѣ еще существующая, отрѣзаетъ эти выступы отъ главной площади Мангупа и преграждаетъ доступъ по лѣснымъ скатамъ своими воротными башнями и бойницами.

Пока наши альбомы наполнялись эскизами этихъ развалинъ и этихъ скалъ, невѣдомо откуда нанеслись страшныя грозовыя тучи, и пошелъ по-истинѣ тропическій дождь.

Всѣ бросились на вскачь по тѣнистой лѣсной дорожкѣ, надеясь на скорый пріютъ. Дождь сѣкъ какъ розгами, и если бы не кавказская бурка—наша амазонка очутилась бы въ самомъ жалкомъ положеніи. Наконецъ доскакали до Каджа-Сала, деревеньки подъ самой подошвой Мангупа; Каджа-Сала—старинное помѣстье князей Балатуковыхъ, принадлежитъ теперь зятю княгини Балатуковой Абдураманчину, которому принадлежитъ, кажется, и самъ Мангупъ.

Я уже ночевалъ разъ съ изряднымъ комфортомъ въ *кунацкой* одного мурзы и обнадеживалъ теперь своихъ измокшихъ спутниковъ перспективою татарскаго гостепріимства.

Каджа-Сала превратился въ грязный потокъ; по щотки въ водѣ добрались наши вѣны до двора мурзы.

Все заперто, и дворъ гарема, и кунцкая. Обошли кругомъ, постучали, покричали подъ неудержимымъ ливнемъ: никто не отозвался. Бѣда дѣлалась серьезною—куда дѣться? Пока Бе-

вирь ѣздилъ по деревнѣ за языкомъ, мы себѣ могли да могли; Бекирь возвратился съ вѣстью, что почти всѣ хаты пусты, потому что теперь татары въ лѣсу, но что эффенди согласился пустить насъ въ себѣ. Копыта опять зашлепали по лужамъ, и никто даже не спросилъ, въ какому это эффенди.

Въ концѣ деревни, совсѣмъ пріосѣненный грозными тѣнями мангупскихъ твердынь, среди персиковъ, орѣховъ и грушъ, ютился вѣрно огороженный дворикъ эффенди, съ совершенно восточными плоскокрышными домиками, съ балкончиками и рѣшетками вмѣсто оконъ. Ворота растворились настежь при нашемъ приближеніи, и высокій величественный старецъ въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ халатѣ, съ бѣлою, какъ снѣгъ окладистою бородою, съ строгими и почтенными чертами лица, показався у воротъ, приложивъ руку къ сердцу, и показывая намъ другою на свой дворъ. Это былъ истый библейскій Авраамъ, принимающій странниковъ подъ дубравой мамврійской. Дворъ и домики эффенди были необыкновенно чисты, и въ каждомъ деревцѣ видна была заботливая хозяйская рука.

Видя насъ въ такой грязи, эффенди не рѣшился пустить насъ обутыми въ свою опрятную кунацкую, устланную хорошенькими войлочками и ковриками. По требованію его, сапоги были сброшены, и волей-неволею кавалеры очутились въ однихъ чулкахъ, что совершенно, впрочемъ, подобало въ татарской кунацкой. Въ кунацкой было двѣ комнаты, такъ что мы могли кое-какъ прибраться и посушиться. Пока намъ готовили кофе и жарили куръ, эффенди пределикатно ухаживалъ за нашею амазонкою, которой печальное состояніе, а можетъ быть и милыя черты тронули его патріаршее сердце. Онъ даже дошелъ до того, что, какъ настоящій свѣтскій кавалеръ, просилъ позволенія курить. Оказалось, что мы въ гостяхъ у Хаджи-Абдула-Кадира Акъ-муллы, бывшаго имама изъ Орта-Каралеа, по-русски сказать, у отставного благочиннаго протоіерея. Я не хотѣлъ упустить случая обогатить свой путевой альбомъ такою характерною ветхозавѣтною фигурою; но помня, что коранъ запрещаетъ правовѣрнымъ изображенія человека, и чтя въ своемъ хозяинѣ блюстителя правовѣрія, я заслонился своими спутниками и старался тайкомъ набросать саповитыя черты имама. Имамъ однако совершенно изумилъ меня. Онъ сейчасъ замѣтилъ мои эволюціи, потребовалъ альбомъ, улыбнулся и тотчасъ же вышелъ. Я-было думалъ — уйдетъ, а онъ вернувшись сіяющій счастьемъ, переодѣтый въ парадный полосатый балахонъ.

— Вотъ такъ дѣлай! такъ явиши! говорилъ онъ мнѣ, садясь

въ особенно важную пову. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ штриховъ, какъ имамъ опять вскочилъ на ноги.

— Постои, такъ нельзя!

Онъ полѣзъ на полочки, что лѣплятся по стѣнамъ каждой татарской гостинной, снялъ оттуда серебряные часы и повѣсилъ ихъ себѣ прямо на грудь, потомъ поставилъ въ уголъ маленькую трубочку, которую онъ курилъ и взялъ въ ротъ длинную-предлинную.

Мы едва держались отъ хохота, забавляясь на это дѣтское малодушіе величественнаго эффенди. Онъ разсѣлся какъ турецкій султанъ, поджавъ ноги, вытянувъ трубку, съ самымъ торжественнымъ выраженіемъ лица. Портретомъ моимъ хаджи остался до-нельзя доволенъ; смотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, улыбаясь указывалъ пальцемъ на часы, на трубку, на полосы халата; эти подробности, кажется, особенно убѣждали его въ сходствѣ; наконецъ онъ попросилъ позволенія показать портретъ женамъ и бережно унесъ мою книжку въ гаремъ. Возвратясь, хаджи пригласилъ нашу амазонку сдѣлать визитъ его дамамъ, которыя, какъ всѣ заключенницы, страстно охочи до новыхъ лицъ, до неожиданныхъ происшествій. Женщины Хаджи-Абдула побросали свое тканье, свое вышиванье серебромъ и встрѣтили русскую гостью, стоя вѣдь; быстро прикладывали онѣ свои руки сначала ко лбу, потомъ въ сердцу, также быстро поклонились ей въ ноги, вскочили, обняли, поцѣловали, потомъ съ какимъ-то лихорадочнымъ восхищеніемъ ощупали и обнюхали всякую подробность незнакомаго имъ туалета и чинно разсѣлись себѣ на диванахъ напротивъ своей гостьи, уже не шевелясь, не сгибаясь. Хаджи велъ за нихъ бесѣду.

Мы славно отдохнули и поѣли въ домикѣ мангупскаго Авраама. Кто предпочелъ выспаться, а я все время слушалъ рассказы хаджи и любовался чисто восточною обстановкою всей его жизни. Его маленькая кунацкая была отдѣлана затѣйливою деревянною рѣзбою, кое-гдѣ раскрашеною съ наивною азіатскою пестротою. Сбоку былъ устроенъ альковъ съ такою же рѣзною дверочкою, въ которомъ хаджи совершалъ свои омовенья. На полочкахъ лежали въ необыкновенной опрятности разные цѣнные вещи и много такихъ же опрятныхъ рукописныхъ книгъ. Мангупскій Авраамъ еще не признавалъ изобрѣтенія майнцскаго нѣмца и не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался пророкъ. Коврики и подушки были новенькіе, олично выбитые, и самъ хаджи сидѣлъ на нихъ съ чисто вымытыми босыми ногами, съ бородою, въ которой былъ тщательно расчесанъ каждый волосокъ, самъ бѣлый, весь въ бѣломъ, — точно какой-то

кроткій столѣтній младенецъ. Онъ очень мало зналъ русскихъ словъ, а еще меньше татарскихъ, однако мы понимали существенное содержаніе нашего разговора. Хаджи былъ въ Меккѣ, въ Мединѣ, хаджи 22 года былъ имамомъ. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ святость своего сана, во власть своей молитвы надъ силами судьбы и природы, въ талисманство каждаго слова корана. Его принципы жизни были опредѣленны, просты и тверды, какъ пріосвѣнявшая дворъ его скала Мангупа. Хаджи очень пострадалъ въ крымскую кампанію и вспоминалъ о ней съ большимъ горемъ. Каралезская долина была въ рукахъ нашихъ, и у Мангупа стояли на баттаряхъ русскія пушки. Непріатели доходили до Мангупа съ южной стороны по рѣкѣ Шумо, черезъ Ай-Тодоръ, изъ Балаклавы. Русскіе солдаты все отняли у хаджи: ячмень, корову, 2000 рублей денегъ, срубили подъ корень садъ хаджи. Меншиковъ говорилъ солдатамъ: «валяй, ребята!» «Меншиковъ—яманъ-ага!» «Горшаковъ—якши-ага!» Самъ хаджи бѣжалъ въ Мархуръ, въ глубинѣ горъ. На три года войску досталъ бы Крымъ, коли-бъ не грабили, а такъ и на три мѣсяца не досталъ. Другіе получили потомъ отъ царя, а хаджи сказали, срокъ пропустилъ. «Комитатъ 25 рублей просилъ; дали-бъ и ему вознагражденіе, а то подожди. А Хаджи-Абдулъ 22 года падишаху служилъ», говорилъ имамъ съ плачевными жестами и плачевнымъ голосомъ.

Къ вечеру совсѣмъ разъяснилось; лошади подкормились, и мы рѣшились подняться на Мангупъ, не откладывая до завтра. Воды не было слѣда: она вся ушла также разомъ какъ пришла. На улицахъ всѣ камушки были обмыты и уже просушены крымскимъ солнцемъ. Все глядѣло послѣ дождя особенно весело и ярко.

На Мангупъ-Кале можно взобраться двумя путями; одинъ долгимъ объѣздомъ изъ Ай-Тодорской долины, оврагомъ Альма-лыкъ-Дере, черезъ развалины главныхъ вѣпостныхъ воротъ; это единственная дорога для мажаръ. Другая, верховая тропа идетъ прямо надъ Коджа-Сала по страшной крутизнѣ. Мы предпочли этотъ короткій путь. Крайній западный выступъ столовой горы татары называютъ *Чамнукъ-бурунъ*, «мысъ сосенъ»; между нимъ и «жидовскимъ мысомъ» (*Чуфутъ-бурунъ*) идетъ *Табана-дере*, «оврагъ кожевниковъ», по которому мы должны были подниматься. За Чуфутъ-буруномъ, между нимъ и «мысомъ вѣтровъ», *Гелли-буруномъ*, тянется второй лѣсной спускъ, подъ названіемъ «оврагъ бань», *Гаманъ-дере*, а за Гелли-буруномъ

последній свать, самый доступный, «оврагъ воротъ», *Канудере*. Онъ замыкается съ востока крайнимъ и самымъ неприступнымъ выступомъ Мангуна — *Тешкли-буруномъ*, «мысомъ щели». Стихи просверлили каменный носъ этого выступа огромнымъ окошкомъ, которое снизу и издали свѣтится словно игольное ушко; эта дыра и дала названіе мысу.

Съ первыхъ же шаговъ мы усумнились, возможно ли продолжать путь на лошадяхъ. Сначала шла гора такого рыхлаго щебню, который сыпался изъ-подъ копытъ, какъ колотый сахаръ, и не представлялъ никакого упора; потомъ поползла по востогристымъ краямъ обрывовъ вапризно вьющаяся пѣшая тропка, скользкая и въ сухое время, а послѣ ливня сдѣлавшаяся невозможною. Наконецъ пришлось продираться черезъ низкоствольный колючій лѣсъ, котораго почва была сплошь засыпана огромными камнями. Лошади должны были переступать черезъ нихъ, какъ черезъ пороги и карабкаться по обваламъ, какъ по ступенькамъ лѣстницы. Все это нужно было дѣлать на подъемѣ подъ угломъ 45°, на каждомъ шагу извиваясь то направо, то налево. Какъ ни привычна крымская лошадь къ горнымъ тропинкамъ, но тутъ и она почти отказывалась. Жалко было слушать это тяжелое болѣзненное дышанье ихъ легкихъ, смотрѣть на эти взопрѣвшіе бока, вздувавшіеся быстро и сильно какъ мѣхи кузницы. А татары и въ усь не дуютъ! Колотятъ себя палками бѣдную животину и никому не позволяютъ спѣшиться, да, признаться, сомнительно, чтобы и пѣшкомъ было лучше. На половинѣ пути мы встрѣтили еще удѣлѣвшую передовую стѣну, преграждавшую оврагъ поперекъ, отъ Чамнувъ-буруна до Чуфутъ-буруна. Тамъ, гдѣ эта стѣна примыкаетъ къ скаламъ Чуфутъ-буруна, мы осмотрѣли весьма любопытную трехъ-ярусную пещеру изъ 4-хъ келій, соединенныхъ другъ съ другомъ каменными лѣстницами. Очевидно, это была сторожевая башня своего рода, бойница и казарма вмѣстѣ. За стѣною потянулось обширное караимское кладбище, древніе памятники котораго частью вросли въ скалу, частью разбросаны по лѣсу; впрочемъ множество еще не тронуто съ мѣста. Ихъ форма и надписи совершенно тѣ же, что въ Иосафатовой долинѣ близъ Чуфута: двурогія, однорогія, плоскія. Неизвѣстно въ точности, когда караимы поселились въ Мангупѣ. Въ XIII-мъ столѣтіи они жили здѣсь несомнѣнно, какъ это видно по надгробнымъ памятникамъ. По всей вѣроятности, они были и послѣдними жителями его; Паласа въ своемъ путешествіи говоритъ про Мангупъ: «Сыромятники еврей приѣзжаютъ сюда въ лѣтнее время изъ Чуфутъ-Кале» (въ Чуфутъ же, какъ извѣстно, всегда жили евреи караимской сек-

ты) «и употребляютъ для выдѣлки кожъ обрѣтаемыя при этой горѣ во множествѣ дубильныя растенія (*Rhus coriandria* и *Cotinus*), при чемъ и вода здѣшняя почитается весьма способною для такой работы». Теперь уже и слуху нѣтъ объ этомъ промыслѣ, и на всей Мангупской горѣ я не могъ найти ни одного стебля *Rhus coriandria* или *Rhus cotinus*, которыя между тѣмъ встрѣчалъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Все заплонилъ теперь травянистый бузьянникъ. Табанъ-дере на вершинѣ своей преграждается, какъ и другіе всходы, стѣною и вруглыми зубчатыми башнями. Подъ стѣнами еще замѣтны ключи, копани и бассейны изъ известняка, въ которыхъ караимы мочили свои кожи. Около ключей также видна большая пещера. Стѣна и башня съ этой стороны подверглись большому разрушенію. При входѣ съ Мангупской плоскости на выступъ Чампунъ-буруна стоялъ замокъ въ видѣ отдѣльнаго форта, защищавшій западный край горы. Отъ него остался теперь одинъ обглоданный остовъ, не дающій понятія ни о размѣрѣ, ни о формахъ его. Неподалеку же видны развалины караимской синагоги. Въѣздъ на плоскую вершину Мангупъ-Кале, черезъ осыпи обвалившейся стѣны—очень труденъ. За стѣною открывается широкая ровная площадь, занимающая все темя горы.

Здѣсь когда-то стоялъ большой и цвѣтущій городъ, славный въ исторіи Крыма. Теперь вы догадываетесь о его существованіи только по безчисленнымъ кучамъ мусора, покрывающимъ пастбища Мангупской горы. Лошади и коровы коджасальскихъ татаръ привольно пасутся теперь на мѣстѣ многолюдныхъ улицъ, безопасныя за этими стѣнами.

Остатки древности исчезаютъ годъ за годомъ, и очень можетъ быть, что черезъ два года путешественникъ уже не найдетъ тѣхъ башенъ, которыя я еще видѣлъ. При Мартинѣ Броневскомъ въ XVI-мъ столѣтіи «Мангупъ имѣлъ два замка, драгоценныя греческіе храмы и зданія». Паласа въ концѣ XVIII-го столѣтія видѣлъ въ Мангупѣ синагогу и нѣсколько домовъ, въ которыхъ обитали еврейскіе кожевники; въ развалинахъ двухъ христіанскихъ церквей онъ могъ еще разглядѣть византійскіе образы, писанные *al fresco*, между прочимъ образъ Богоматери въ восточномъ углу храма; а татарская мечеть сохранилась до его времени еще лучше христіанскихъ храмовъ. Теперь же съ трудомъ можно отыскать сами развалины синагоги, церкви и мечети. Никѣмъ не оберегаемыя, разрушаемыя стихіями и небреженіемъ, эти древніе памятники стираются одинъ вслѣдъ за другимъ съ лица земли, погребая подъ собою исторію и лиша

прекрасныя мѣстности Крыма ихъ живописнѣйшаго и интереснѣйшаго украшенія.

Въ Мангупѣ теперь сколько-нибудь сохранились только стѣны и башни, отрѣзающія съ южной стороны всходы и буруны, тѣ самыя, что мы видѣли снизу, отъ дороги. Лучше всѣхъ уцѣлѣла та часть ихъ, которая сбѣгаетъ довольно глубоко въ круглую лощину Гамамъ-дере; здѣсь еще видно въ нихъ много зубцовъ, бойницъ, и нѣкоторыя круглыя башни почти нетронуты. Толщина вѣрстныхъ стѣнъ болѣе аршина, а высота доходитъ до двухъ саж. Съ внутренней стороны этихъ стѣнъ, въ вершинѣ оврага, нѣсколько обширныхъ пещеръ, которыми скотъ пользуется теперь какъ убѣжищемъ отъ непогоды. Въ глубинѣ одной изъ этихъ пещеръ замѣтенъ ключъ и пробитый къ нему колодезь; проводники объяснили намъ, что это были древнія бани, отъ которыхъ и оврагъ прозвался *Гамамъ-дере*. Для татаръ Каджа-Сала этотъ ключъ въ горномъ пастбищѣ сущій кладъ. При Паласѣ на этомъ мѣстѣ былъ оправленный фонтанъ съ изсѣченною татарскою надписью 953 года геджры, т.-е. 1546 г. Броневскій также упоминаетъ о прекрасной водѣ Мангуна, о «нѣсколькихъ ручьяхъ, стекающихъ со скалъ, чистыхъ и удивительныхъ.»

Довольно полно сохранились также воротныя и другія башни, замыкающія вершину послѣдняго оврага—Капу-дере; а также отдѣльный замокъ при входѣ на восточный выступъ—Тешкли-бурунъ. Замокъ этотъ — главная замѣчательность Мангуна и, повидимому, служилъ центромъ его жизни и его укрѣпленій. На восточномъ фасѣ его сохранилась очень хорошо красивая каменная рѣзба около оконъ, которую одни считаютъ восточнаго, другіе греческаго рисунка. По-моему, она напоминаетъ точно также и готическія украшенія. Нижній этажъ сдѣланъ сводомъ и сквозь него проѣздъ готической формы на Тешкли-бурунъ. Въ стѣнахъ узкія амбразуры для ружей. Развалины христіанской церкви и мечети, о которыхъ говорятъ Паласъ и Кеппенъ, находятся недалеко, противъ передняго (западнаго) фасада замка. Многіе считаютъ этотъ замокъ греческой архитектуры; но Богушъ-Сестренцевичъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Тавріи, увѣряетъ, что старинные греки называли Мангупъ-Кале *Кастронъ-Готиконъ*, «Готическимъ замкомъ»; и дѣйствительно, замокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе готическаго зданія. Безъ сомнѣнія, это тотъ самый замокъ, въ которомъ, по словамъ Мартина Броневскаго, по варварской ярости хановъ содержались въ жестокомъ заключеніи московскіе послы. По свидѣтельству нашихъ крымскихъ дѣлъ, былъ, напримѣръ, заклю-

ченъ въ Мангупѣ посолъ Іоанна Грознаго Аѳанасій Нагой со всѣми спутниками своими; тамъ же пять лѣтъ сряду просидѣлъ Василій Грязной, взятый въ плѣнъ татарами на рѣкѣ Молочной, или Молочныхъ водахъ.

«Не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись», Грязной, по его собственнымъ словамъ, приводимымъ Карамзинымъ, содержался татарами очень худо; «и тольвобъ не государская милость застала душу въ тѣлѣ, ино было съ голоду и съ наготи умерети», писалъ этотъ царскій любимецъ изъ своего плѣна царю Іоанну Грозному.

Но во всякомъ случаѣ замокъ этотъ теперь далеко не то, что онъ былъ при Броневскомъ, который видѣлъ въ немъ «отличныя ворота, украшенныя греческими надписями и многими мраморомъ.»

Характеръ цитадели, крѣпости въ крѣпости — очень ясенъ, когда вы входите на выступъ Тешкли-буруна, защищаемый этимъ замкомъ. Въ Тешкли-бурунѣ несомнѣнно была тюрьма, казарма. Каменные нѣдра Тешкли-буруна съ юга и сѣвера изрыты пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Въ нѣкоторыя уже пройти нельзя, другія мы подробно осмотрѣли: цистерны, ясли, столбы для привязи, заваленки, альковы, вьющіяся каменные лѣсенки — удѣлялись во многихъ изъ нихъ; всѣ онѣ висятъ надъ страшнымъ обрывомъ и спускаться въ нихъ небезопасно.

Но всѣхъ поразительнѣе «Барабанъ-пещера», *Даулджи-коба*. Носъ Тешкли-буруна, пробитый на вылетъ, служитъ крайне живописнымъ сходомъ въ эту пещеру. Лѣстница то спускается подъ треснувшимъ сводомъ этой огромной щели, то лѣпится со всѣмъ съ боку скалы, виситъ какъ гнѣздо ласточки надъ пропастью. Отъ ограды остались одни только ямки въ камнѣ, сами ступени слизаны и обглоданы временемъ, такъ что нѣкоторые не видать. Не всякая голова въ состояніи прогуляться по этой лѣстницѣ; за то съ разныхъ поворотовъ ея виды внизъ и вдаль поразительнаго эффекта.

Барабанъ-пещера названа такъ потому, что отъ удара кулакомъ въ толстый известковый столбъ, поддерживающій сводъ ея главной залы, раздается сильный звукъ, напоминающій барабанъ. Очевидно, это была тюрьма. Изъ главной залы низенькіе проходы въ цѣлый рядъ велій; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчены пробои въ каменныхъ столбахъ для цѣпи или веревки.

Мы покончили поздно съ осмотромъ Мангупскихъ развалинъ. Уже розовый закатъ обливалъ небо, и мы, съ нашего подоблачнаго плоскогорья, озирали кругомъ весь горный Крымъ, освѣщенный насквозь огнями этого заката. Яркое-синее море подни-

малось высоко на западномъ горизонтѣ, и на немъ съ необыкновенною отчетливостью вырѣзались бѣлыя точки парусовъ, бѣлыя мѣловые обрывы севастопольскаго берега. Константиновская батарея выползла далеко въ море и прилегла тамъ, какъ стоглазая сторожевая собака, сверкая на послѣднихъ лучахъ солнца. Еще огнистѣе сверкаютъ бѣлые маяки надъ бухтою и на Макензіевой горѣ—эта пара ночныхъ глазъ Севастополя, направляющая сквозь опасные туманы запоздавшія суда. Волны горъ лежатъ на югъ, на востокъ, на сѣверъ. Въ ихъ провалы сгущается дрожащій золотисто-розовый паръ, отбѣняющій всѣ степени дали, и сообщающій необъятной панорамѣ, обставшей кругомъ насъ, тотъ фантастическій, мечтательный тонъ, которымъ дышатъ ландшафты Клодъ-Лореня. Палласъ, суровый натуралистъ, называетъ «*неизгаснимо-преlestными*» видъ, открывающійся съ вершины Машука; а Кларке, во 2-й части своего путешествія по Россіи, Татаріи и Турціи, отзывается о Мангупѣ еще восторженнѣе: *«Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста. Хотя я и навѣкъ глядѣть на подобныя картины, однако же у меня едва достало равнодушія на то, чтобы набросить на бумагу этотъ удивительный видъ.»*

Стоя на вершинѣ Мангупской горы, вы просто ощущаете необыкновенныя выгоды его стратегическаго положенія. Мангупъ видѣнъ издалека съ моря, съ западнаго берега и со всѣхъ горныхъ пунктовъ. Съ Мангупа видны всѣ пути въ горы юго-западнаго Крыма. Башни Мангупа могли всегда служить сигнальными маяками для вереницы укрѣпленій, которыя были въ древности разсыпаны отъ севастопольской бухты до Чатырдага. Это буквально владычествующій городъ. Въ темные вѣка только тотъ былъ самъ безопасенъ, только тотъ былъ господиномъ другого, кого нельзя было достать, кто могъ, какъ хищная птица, сторожить съ недоступной высоты довѣрчивыхъ и слабыхъ. Мыши, насекомыя—все то, что составляетъ добычу другихъ—прячутся въ норахъ, въ трещинахъ, прилегаютъ къ землѣ. Орелъ, кобчикъ—торчатъ на верхушкахъ, парятъ подъ облаками. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ, пока въ немъ цивилизація еще не обезпечила правъ каждаго. Крестьянинъ издавна привыкъ прятать свою хатку въ какую-нибудь балку, на берегъ рѣчки; баронъ строитъ себѣ замокъ на пикѣ скалы, а помещичьи хоромы непремѣнно на холмѣ; непремѣнно господствуютъ кругозоромъ надъ укрывшеюся у ногъ ихъ деревнею.

Оттого Мангупъ,—или по другому произношенію, Манбуъ, Манкопъ, Мангутъ,—съ незапамятныхъ временъ, какъ только появилось въ исторіи его имя, играетъ роль средоточія мѣстной жизни. Онъ постоянно главнымъ городомъ чего-нибудь, — то цѣлаго народа, то княжества, то области. Горы, степь и берегъ моря у него одинаково въ рукахъ.

Намъ не только неизвѣстно, въ какомъ вѣкѣ, но даже и ка-кимъ народомъ былъ построенъ Мангупъ-Кале.

Караимскій раввинъ изъ Чуфутъ-Кале, Мортхай Султанскій передавалъ въ 1833-мъ году академику Кеппену, что въ то время еще оставалось въ живыхъ три человека, когда-то обитавшихъ въ Мангупѣ, хотя при Кеппенѣ они уже жили въ Е-паторіи и Бахчисараѣ. Эти старики слышали отъ предковъ сво-ихъ, что караимы переселились въ Крымъ вмѣстѣ съ татарами изъ Персіи, Бухаріи и Червезіи. Кромѣ того въ Мангупѣ по-селились въ послѣдствіи выходцы изъ Стараго Крыма. Вмѣстѣ съ ними караимовъ въ Мангупѣ было до 300 семействъ; но въ времени присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783-мъ году чи-сло это, по разнымъ причинамъ, уменьшилось до 70-ти семействъ. Въ 1791-мъ году и эти разсѣлились по разнымъ мѣстамъ; ман-гупская земля поступила во владѣніе бывшего хазнадара, отца Адильбея Балатукова, въ семействѣ котораго остается до сихъ поръ. Въ числѣ памятниковъ мангупскаго кладбища есть па-мятникъ Моисея Исаакова сына, относящійся къ 1278-му году; стало быть, существованіе Мангупа и пребываніе въ немъ ка-раимовъ въ XIII-мъ столѣтіи—несомнѣнно. Но, сколько помню, знаменитый караимскій археологъ Фирковичъ говорилъ мнѣ о гораздо древнѣйшихъ надписяхъ мангупскаго кладбища. Если принять во вниманіе, что преданіе связываетъ поселеніе въ Мангупѣ съ переселеніемъ караимовъ изъ Азіи, то это событіе должно относиться къ глубокой древности. Фирковичъ доказы-ваетъ, на основаніи одной приписки къ древнему пятикнижію, что соплеменники его поселились въ Крыму въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр.

Въ Иосафатовой долині Чуфутъ-Кале, ученый этотъ откопалъ древній гробъ, почти ушедшій въ землю, и прочелъ на немъ надпись одного изъ самыхъ первыхъ годовъ перваго вѣка нашей эры, чуть-ли не 6-го года по Р. Хр. Сверхъ того, онъ нашелъ въ томъ же кладбищѣ гробницу караимскаго раввина, обратив-шаго хазаръ въ іудейскую вѣру въ VII-мъ столѣтіи. Всѣ эти обстоятельства, а равно необыкновенное сходство Чуфута съ Мангупъ-Кале и ихъ близкое сосѣдство, заставляютъ вѣрить, что Мангупъ былъ древнѣйшимъ мѣстожителемъ крымскихъ

караимовъ. Глядя на Столовую горѣ и на гробницы Мангупа, вы легко можете вообразить себя въ Чуфутѣ, и трудно думать, чтобы эти два родственные и сосѣдніе города населились неодновременно.

Во всякомъ случаѣ поселеніе караимовъ въ Мангупѣ не можетъ служить къ объясненію времени основанія его. Никто не приписывалъ караимамъ постройки Мангупа, уже по той простой причинѣ, что караимы никогда не вели самостоятельнаго политическаго существованія.

Всего вѣроятнѣе, что Мангупъ основанъ готами, которые поселились въ Крыму частью во II-мъ, частью въ IV-мъ столѣтіи нашей эры. Многіе старые писатели говорятъ о Манкупѣ или Манкопін, какъ столицѣ готовъ. Краковскій каноникъ Матвѣй изъ Мѣхова, жившій на переломѣ XV-го и XVI-го столѣтій, въ своемъ описаніи страны сарматовъ, говоритъ, что татары вошли черезъ сѣверныя ворота Тавриды (т.-е. Перекопъ) и заняли всѣ ея города, селенія и земли, такъ что *одинъ только замокъ Манкупъ остался за владѣльцами манкупскими, которые были родомъ готы и говорили по-готски*. Мухамедъ же, когда завладѣлъ Каѳою и привелъ въ зависимость перекопскихъ татаръ со всѣмъ полуостровомъ, убилъ двухъ братьевъ и владѣльцевъ манкупскихъ, *послѣднихъ готовъ*, когда-либо бывшихъ въ Сарматіи, Италіи, Испаніи и Франціи, и овладѣлъ Манкупомъ.

Такое обстоятельное и рѣшительное извѣстіе имѣетъ большое значеніе въ устахъ человѣка, бывшаго современникомъ Магометова завоеванія.

Это подтверждаетъ и Бержеронъ, говоря, что *готы, тѣснимые гуннами, перешли частью во Фракію, Болгарію и далѣе въ Италію, частью въ Тавриду*, гдѣ, послѣ изгнанія ихъ татарами, *нѣкоторые остались въ Манкупѣ и другихъ мѣстахъ*.

Бузбекъ, нѣмецкій посолъ въ Константинополѣ, спрашивалъ въ XVI-мъ столѣтіи о крымскихъ готахъ людей, бывавшихъ въ Крыму. Они передавали ему о воинственномъ характерѣ готовъ и о томъ, что у нихъ *главные города Манкупъ и Scikağın*. Стало быть, во время Бузбека готы еще жили въ Крыму, какъ отдѣльная національность.

Также опредѣленно выражается Тунманъ, котораго обстоятельное сочиненіе о Крымѣ помѣщено въ 1787-мъ году въ Бюшинговой географіи. Упомянувъ, что греческія владѣнія въ Крыму съ 1204-го года сами себѣ избирали правителей или подпали подъ власть особыхъ князей, онъ добавляетъ, что два

такихъ княжества существовали до покоренія этихъ мѣстъ турками: Теодорійское (Инкерманское) и *Готское (Мангузъ)*.

По увѣренію Тунмана, уже въ 754-мъ году въ Мангузѣ былъ *готскій епископъ*, и готы жили въ немъ еще въ 1560-мъ году. Главными городами ихъ Тунманъ, вѣроятно со словъ Бузбека, называетъ также Мангузъ и мѣстечко неподалеку отсюда, по имени Schuren или Schikarin; не трудно угадать въ этомъ послѣднемъ нынѣшній *Сюйренъ* на Бельбевѣ, въ сосѣдствѣ съ Мангупомъ; въ немъ дѣйствительно видны развалины сильнаго укрѣпленія.

Литовскій митрополитъ Богушъ-Сестренцевичъ, современникъ присоединенія Крыма къ Россіи, лично посѣщавшій Крымъ и знакомый со всею древнею литературою о Крымѣ, самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о Мангузѣ, какъ о столицѣ Готіи:

«Въ 7' отъ Инкермана гора Баба, отдѣленная, покрытая лѣсомъ, съ остроконечною скалою на вершинѣ.... Гора сія составляетъ почти равносторонній треугольникъ съ тѣми, на южнѣхъ находится Инкерманъ и Балаклава. Она приступна съ одной стороны черезъ отлогіи сваты. Въ прочихъ же мѣстахъ пресѣкается оное пропастью неизмѣримой взоромъ глубины. Ея внутренность содержитъ великія изсѣченныя въ камняхъ пещеры. Вершина ея есть пространная, прямая и плодовыми деревьями покрытая равнина, въ срединѣ коей видны *развалины пространнаго города, некогда бывшаго мѣстомъ пребыванія готовъ, которые называли его Мангупомъ, а реки Кастроузъ-Готиконъ*».

Въ другихъ мѣстахъ своей Исторіи Тавріи, составленной по Геродоту, Берозу, Діодору и пр., особенно же по византійскому историку Провопію, Сестренцевичъ говоритъ:

«Въ срединѣ II-го вѣка готы покорили тавровъ, коихъ нѣма почти истребили. Въ концѣ IV-го вѣка другое колено готовъ, гонимое гуннами, проникло съвозъ неприступныя тѣсныя горы и основало въ оныхъ республику, послѣ извѣстную подъ именемъ *княжества трапезитскихъ готовъ, государи коихъ жили въ Мангузѣ*. Готы названы были греками — трапезитами, потому что жили на *Соловой горѣ южнаго берега* (Синабдагѣ) параллельно южному берегу. По готскому произношенію страна эта называлась Доріе (Тауріе) и Готія. *Столицей былъ Мангузъ*». Трудно думать, чтобы готы жили именно на Яйлѣ, которую Сестренцевичъ называетъ Синабдагомъ, и которая не сохранила на себѣ никакихъ слѣдовъ общественной жизни. Не вѣроятно-ли подразумѣвать подъ Соловыми горами дѣйствительные трапезусы, скалистые столы Мангуза, Эски-Кермена и

др., которые нѣкоторыми даже позднѣйшими писателями (можетъ быть, по причинѣ сосѣдства своего съ моремъ) считались на морскомъ берегу.

Сестренцевичъ, посѣтивъ Мангупъ, былъ пораженъ чертами лица и нарѣчіемъ его обитателей. Онъ нашелъ въ Мангупѣ «нѣсколько ветхихъ строеній, обитаемыхъ немущими жителями. Они происходятъ отъ древняго народа, какъ то можно заключить по мѣстоположенію, особымъ ихъ чертамъ и нарѣчію, совершенно отличному отъ языка сосѣдей». Впрочемъ очень вѣроятно, что почтенный прелатъ изумлялся ничему иному, какъ особенностямъ типа тѣхъ караимскихъ сиромытниковъ, которыхъ почти въ его же время встрѣтилъ въ Мангупѣ натуралистъ Палласъ.

Историки свидѣтельствуютъ, что «татары оставили стариннымъ христіанамъ гористыя и лѣсистыя части страны, гдѣ города Манкупъ, Кааа и др.»; но въ концѣ XV-го столѣтія турки, овладѣвъ приморскими городами Крыма, завладѣли и Мангупомъ. Польскій посолъ Мартинъ Броневскій, о которомъ такъ часто приходится мнѣ упоминать, говоря о древностяхъ крымскихъ городовъ, видѣлъ Мангупъ въ 1578-мъ году, и оставилъ намъ такое описаніе его:

«Г. Манвопъ лежить между горами и лѣсами, далеко отъ моря. Здѣсь было два замка, построенныхъ на обширной и высокой скалѣ, великолѣпныя греческія церкви, дома и много ручейковъ, свѣжихъ и чистыхъ, вытекавшихъ изъ скалы. Но потомъ онъ былъ взятъ турками, а еще позже, спустя 18 лѣтъ, по сказанію христіанскихъ грековъ, совершенно былъ уничтоженъ внезапнымъ страшнымъ пожаромъ. Поэтому въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнѣе верхняго замка, въ которомъ есть ворота, испещренныя греческими надписями, и высокій каменный домъ. Нерѣдко случается, что ханы, взбѣшенные противъ пословъ московскихъ и водимые варварскимъ обычаемъ, затворяютъ ихъ въ этомъ домѣ и строго содержатъ. Теперь остались тамъ только греческая церковь св. Константина и другая святого Георгія, совершенно ничтожныя. Тамъ живетъ только 1 грекъ, да нѣсколько евреевъ и турокъ; прочее все приведено въ ужасное разореніе и забвеніе. Нѣтъ даже никакихъ письменныхъ памятниковъ ни о вождахъ, ни о народахъ, которые владѣли этими огромными замками и городами.

«Я съ величайшимъ стараніемъ и трудомъ отыскивалъ ихъ слѣды на каждомъ мѣстѣ. Но я узналъ отъ одного священника, грека, старика честнаго и умнаго, что незадолго до осады этого города турками, жили здѣсь какіе-то два греческіе князя, дѣдъ

и внуки, которые вѣрно происходили отъ крови константинопольскихъ или трапезунтскихъ государей. Греки-христиане довольно долго въ этомъ городѣ обитали. Но вскорѣ потомъ, невѣрный и варварскій народъ, турки, нарушивъ данное слово, захватили его. Тѣ константинопольскіе князья уведены оттуда живые, и такимъ образомъ были умерщвлены турецкимъ султаномъ Селимомъ за 110 лѣтъ предъ симъ. На стѣнахъ греческихъ храмовъ видны изображенія, представляющія родословную государей и государынь, отъ которыхъ они, кажется, происходили».

Извѣстіе о кончинѣ вождей Мангуша согласуется съ разсказомъ каноника Матвѣя. Если греческій священникъ, передававшій Броневскому исторію своего города, и считалъ послѣднихъ вождей Мангуша за своихъ соплеменниковъ-грековъ, то это не можетъ еще опровергнуть свидѣтельства Матвѣя о томъ, что они были родомъ готы. Очень можетъ быть, что въ то время большая часть готовъ уже слились съ греками и, продолжая быть готами по крови и языку, назывались иногда общимъ именемъ грековъ, къ политическому строю и религіи которыхъ они принадлежали, иногда своимъ родовымъ именемъ; точно такъ, какъ различныя племена, вошедшія въ составъ нашего государства, могутъ называться то общимъ именемъ русскихъ, то отдѣльными именами своихъ прежнихъ національностей.

Въ нашихъ «Крымскихъ Дѣлахъ» Мангупъ упоминается поздно, только съ 1474 г. Въ 1475 г. по свидѣтельству этихъ «Дѣлъ», передаваемому Карамзинымъ, въ Мангупѣ былъ князь Исайко, который черезъ московскаго посла боярина Никиту Бельмишева предлагалъ свою дочь въ замужство великому князю Іоанну Іоанновичу, сыну Ивана Васильевича III-го, и Иванъ III поручалъ своему другому послу, Алексѣю Старкову, развѣдать черезъ каенискаго богатаго еврея, Хози-Кокоса, сколько тысячъ золотыхъ Исайко готовитъ въ приданое за своею дочерью. Исайко этотъ въ одномъ генуэзскомъ документѣ 1472 года названъ Signore del Theodoro, «владелецъ Теодоро». Это дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ признать, что Теодори, Теодоро, Лотодеро, упоминаемый весьма часто въ исторіи Крыма, какъ значительный городъ и даже отдѣльное княжество, былъ не Инкерманъ, какъ до сихъ поръ думаютъ — а именно Мангупъ-Бале.

Турецкіе султаны иногда посылали въ Россію послами князей мангупскихъ, которые были родомъ греки. Такъ въ 1512 году султанъ Селимъ посылалъ въ Москву посломъ *Теодорита*,

князя *Мангупскаго, Кемала*; а въ 1522 г. султанъ Солиманъ посылалъ къ намъ *Скандера князя Мангупскаго*.

Въ XIV-мъ столѣтіи Мангупъ, повидимому, попалъ подъ власть генуэзцевъ, потому что турки отняли его не у грековъ, а у генуэзцевъ. Сестренцевичъ, на основаніи, кажется, итальянскихъ источниковъ, такъ передаетъ намъ о паденіи Мангупа: *Послѣ того, какъ турки взяли Каю, Судахъ, Балаклаву, Инкерманъ, Херсонесъ, Керчь и пр., Мангупъ «называемый стальнымъ, поелику никакія стрѣлы не могли долетать до него, и который почитали неприступнымъ, тѣмъ менѣе колебался въ защищеніи себя, что былъ усиленъ множествомъ бѣглыхъ генуэзцевъ».*

Ахметъ-паша рѣшился взять его голодомъ. Но по оплошности своей начальникъ города былъ нечаянно захваченъ турками въ ту минуту, какъ онъ выѣзжалъ на охоту. Городъ былъ взятъ. Генуэзцы бѣжали въ противоположныя ворота. Бѣлая часть жителей была побита, остальные отосланы въ плѣнъ въ Царьградъ. Эти подробности подтверждаются у Карамзина и исторіею крымскихъ хановъ, изданною въ Казани.

Бопланъ, французскій инженеръ, посѣтившій Мангупъ въ XVII стол., то-есть уже послѣ разрушившаго его пожара, отзывается о немъ, какъ о незначительномъ мѣстечкѣ:

«Манкупо—дрянной замокъ на горѣ Баба, въ этомъ замкѣ всѣ жители—евреи, и въ немъ не можетъ быть болѣе 60 домовъ».

Впрочемъ, значеніе Мангупа, какъ центральнаго административнаго и военнаго пункта, повидимому, не утратилось еще долго. При турецкомъ владычествѣ онъ остался главнымъ городомъ цѣлаго кадалыка. Палласъ сохранилъ намъ списокъ селеній, принадлежавшихъ туркамъ, составленный для потребностей фиска при ханѣ Шагинъ-Гирей. Изъ списка этого видно, что мангупскій кадалыкъ былъ самый обширный и занималъ весь нынѣшній Ялтинскій уѣздъ и часть Симферопольскаго. Балаклава, Инкерманъ, Ялта, Ахтіаръ (теперешній Севастополь)—принадлежали къ нему. Вообще къ нему было приписано 89 мѣстечекъ. Всѣ крымскія горы до Алушты и Демерджи, и весь южный берегъ входили въ составъ мангупскаго кадалыка.

Мангупъ въ этомъ списокѣ Шагинъ-хана (значить, въ самомъ концѣ XVIII стол.) продолжаетъ называться городомъ, хотя Инкерманъ, Балаклава и пр. старинные города перечисляются въ этомъ списокѣ въ качествѣ простыхъ деревень. Голландецъ Витсенъ говоритъ, что крымскіе ханы въ смутныя времена поль-

зовались мангупскою крѣпостью, въ которой они укрывались сами и прятали свои богатства.

Французскій посланникъ Пейсонель, бывшій въ Крыму около полустолѣтія до Палласа (1753), въ своемъ трактатѣ о черноморской торговлѣ также свидѣтельствуетъ объ административномъ значеніи Мангупа: «Манкупъ, говоритъ онъ, старая крѣпость; ея власть (собственно, *sa juridiction*) простирается на 74 деревни».

Военное значеніе Мангупа могло усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него былъ проходъ изъ внутренности горъ, въ западному берегу Крыма и въ степь.

Инженеръ Вассаль, въ 1834 г. видѣлъ еще остатки двухъ стѣнъ, преграждавшихъ у западнаго подножія Мангупа дорогу изъ Ай-Тодора въ Каралезы. Существованіемъ здѣсь важнаго прохода въ горы объясняютъ и названье *Богазъ-Сала*, подъ которымъ при Палласѣ была извѣстна деревня Каджи-Сала (*богазъ*—по-татарски проѣздъ).

И во время крымской кампаніи русскіе инженеры воспользовались стратегическимъ положеніемъ Мангупа. Мангупъ былъ вооруженъ пушками, а въ томъ ущельи, въ которомъ Вассаль нашелъ слѣды стѣнъ, устроены были батареи, преграждавшія непріятелю движеніе на Каралезы и Бельбекъ.

Но обратимся отъ историческихъ воспоминаній о древней судьбѣ крымскихъ горъ къ современности.

Евг. Марковъ.

Одесса, 1871.

